

⁸ *Жданов В. А.* Последние книги Л. Н. Толстого. Замыслы и свершения. М., 1971. С. 195.

⁹ См.: *Шкловский В.* Последняя повесть Л. Толстого // *Вопр. лит.* 1959. № 7; *Лакишин В. Я.* Завещание Толстого // *Лакшин В. Я.* Биография книги. М., 1979; *Ковалев В. А.* О композиции повести Л. Н. Толстого “Хаджи-Мурат” // *Вопросы сюжета и композиции.* Горький, 1980 и др.

¹⁰ *Оконь З. П.* Идеино-композиционные функции пролога в повести Л. Н. Толстого “Хаджи-Мурат” // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Филология.* 1974. № 1. С. 19.

¹¹ Там же.

¹² *Морозко Л. Н.* Указ. соч. С. 68.

¹³ *Лихачев Д. С.* Л. Толстой и традиции древней русской литературы // *Лихачев Д. С.* Литература — реальность — литература. Л., 1984. С. 123.

¹⁴ *Туниманов В.* Указ. соч. С. 453.

¹⁵ *Евнин Ф. И.* Указ. соч. С. 389. И далее об особенностях стиля данного фрагмента ученый замечает: “Примененные здесь Толстым слова и обороты в семантическом отношении емки, многосмысленны. Одни из них взяты как будто из словесного обихода мясника или потрошителя рыбы (“с взрезанным животом”, “как рыба, всхлипывая”); в других человекоубийство представлено как результат чисто механического акта, производимого обычно над неодушевленными предметами, но не над людьми (“рубили”, “полосовали”, “сожгли”); третьи акцентируют противоестественность, ненормальность движений и ситуаций (“как мешок кувыркнулся с лошади”, “висел на шее носившей его вокруг товарищей лошади”).”

¹⁶ См.: *Белый А.* Лев Толстой и культура // *О религии Льва Толстого.* М., 1912. С. 145.

Д. А. Чугунов

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ГЕРМАНИЯ

В январе 1903 г., когда жизнь Л. Н. Толстого, по словам его издателей, “висела на волоске и он не мог отдаваться привычной работе”¹, он постоянно прочитывал мысли великих людей, собранные в отрывном календаре. После того, как календарь прошлого года подошел к концу, ему “захотелось самому составить себе выдержки из разных мыслителей на каждый день”², результатом чего стала небольшая книга.

Подобное собрание интересно в первую очередь тем, что оно дает возможность ближе познакомиться с внутренним миром писателя, узнать многое о его душевном состоянии и взглядах того периода жизни. Толстой обращается к наследию древних мудрецов — Эпиктета, Диогена, Марка Аврелия, к восточной мысли — Лао-Тсе, Будде, Конфуцию, к европейскому средне-

вековью и новой философии — святому Августину, Руссо, Вольтеру, Рескину... Не последнее место среди выписок занимают и немецкие имена.

Так, 4 марта Толстой записывает изречение В. Гумбольдта: “Бесспорно важнее, как принимает человек судьбу, нежели какова она на самом деле”³. 19 марта появляется знаменитый отрывок из Канта: “Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постояннее ими занимается размышление: звездное небо надо мною и закон нравственности во мне”⁴. 2 апреля вспоминаются слова Шопенгауэра: “Подобно тому, как факелы и фейерверки бледнеют и делаются невидимыми при свете солнца, так и ум, даже гений, а равно и красота блекнут и затмеваются пред сердечной добротой”⁵...

Насколько обширны духовные поиски Толстого! Уже будучи сам известным мыслителем, он по-прежнему обращается за советом к теням прошлого. 12 июня в его книге отдано Шиллеру, 16 ноября и 25 декабря — снова Шопенгауэру, 15 декабря — Рюккертю, 26 декабря — Гете, а 27 декабря — Францу Гартману... Последняя по счету “немецкая” запись содержит следующие, знаменательные и для самого Толстого слова: “...Тщетны все попытки улучшить жизнь мира до тех пор, пока сами люди не станут лучше; улучшение каждого отдельного человека есть вернейшее средство улучшения жизни мира”⁶.

То, что русская жизнь девятнадцатого века была пронизана германским культурным элементом, отмечено многими исследователями. Действительно, немецкие имена сопровождали писателя с самого детства.

Вначале рядом с юным Толстым был добродушный гувернер Ресельман, позднее выведенный в “Детстве” под именем Карла Ивановича. В Казанском университете Лев Николаевич слушал на юридическом факультете лекции блестящего ученого-цивилиста Майера (1819—1856). Тот, в свою очередь, многое почерпнул в самой Германии, у профессоров Миттермайера, Рау, Шлоссера, Фортена, Дирксена и др.

В 1848 г. Толстой встречает в Петербурге Георга Кизеветтера — талантливого немца-музыканта, который сбился с прямого жизненного пути и претерпевал от этого различные неудобства⁷. Толстой увозит его в Ясную Поляну, много музицирует вместе с ним, в последующем этот немец становится прообразом героя в “Альберте”.

Под влиянием Дружинина в повести были усилены темы “из-

бранничества”, священного вдохновения, вкладываемого в художника высшими силами. Здесь прозвучали знаменательные для писателя слова: “Искусство есть величайшее проявление могущества в человеке”⁸. В “Альберте” прослеживается мотив о том, что искусство сродни самозабвению, уходу от обыденного мира. Подобный мотив обычен для немецкой романтической литературы, как естествен для нее и другой — о внутренней свободе художника, о его независимости от жизненных требований. Не случайно в произведении художник Петров так говорит о трагической судьбе Альберта: “В искусстве, как во всякой борьбе, есть герои, отдавшие все своему служению и погибшие, не достигнув цели”⁹.

Толстой и прямо высказывал подобные убеждения. “Талант, — по его словам, — дается не для щегольства, не для забавы. Надо смотреть, как в колодезь, в глубину жизни. Без этого нельзя писать”¹⁰.

В последующем появится “Крейцера соната”, где прозвучит имя Бетховена. В сочинении “Что такое искусство?” Толстой подвергнет разбору оперы Рихарда Вагнера, на “Разбойников” Шиллера он укажет как на произведение, проникнутое “высшим христианским духом”¹¹... В 1901 г. Толстой напишет предисловие к переводу на русский язык сочинений Вильгельма фон Поленца¹². Роман фон Поленца “Крестьяне” рисовал жизнь немецкой деревни, образ которой быстро менялся под натиском новых капиталистических отношений. Симпатии автора оказались на стороне испытывавших тяжкие страдания крестьян. Толстой писал о книге в одном из писем: “Превосходное произведение”¹³.

Собственно, и будущая жена писателя, Софья Андреевна Берс, происходила из семьи московского доктора, по происхождению — остзейского немца. Толстой долго колебался, питая сомнения насчет разницы в возрасте между ним и предполагаемой невестой. Ему казалось, что их брак не будет успешным и молодая женщина полюбит рано или поздно другого, не “отжившего” свое человека. Сомнения даже нашли выход на страницах романа “Семейное счастье”, однако, как показало время, Толстой ошибался.

Следует вспомнить и образовательную по своей сути поездку писателя по Западной Европе в 1857-м¹⁴ и 1860—1861 гг. Толстой посетил Берлин, Люцерн, Штутгарт, Баден-Баден, Франкфурт, Айзенах, Дрезден, Штеттин, Лейпциг, Киссинген, Зоден, Веймар, Йену, Дрезден¹⁵. В середине XIX в. в России и Германии можно было наблюдать возникновение ряда сходных проблем, среди которых назовем и такие, как разная оценка роли

народного просвещения в общественной жизни, разрушение укоренившихся нравов и т.п.

Интересно, что нигде в своих сочинениях Толстой не писал модных фраз о культурном превосходстве Запада над Россией. При этом в Германии он пристально изучал вопросы народного образования, для чего неоднократно встречался с немецкими специалистами в области педагогики. Так, Толстой познакомился с К. Ф. Лаукхардом, управляющим народным образованием Великого герцогства Саксен-Веймар-Айзенах, и с его доктриной “умеренного, осмотрительного и разумного процесса” образовательных реформ.

Русского писателя интересовало также — и он проверял это неоднократно в теоретических спорах и через посещение различных учебных заведений (в Веймаре, Йене), — дает ли “частная инициатива” больше возможностей в образовании, нежели “государственное принуждение”¹⁶.

Из общения с немецкими профессорами и педагогами Толстой вынес очень важную мысль о том, что “практичное преподавание науки есть первая и последняя ступень — задача школы не сообщить науку, а сообщить уважение к науке и идею ее”¹⁷. В последующем именно такой принцип преподавания станет широко использоваться в яснополянской школе. Толстой писал в журнале “Ясная Поляна”: “.....Не то дорого знать, что земля круглая, а дорого знать, как дошли до этого”¹⁸. Интересно, что и Стива Облонский в “Анне Карениной” признает: наслаждение состоит не в открытии истины, а в искании ее!

В Веймаре он изучает фребелевскую систему обучения. В дневнике 1861 г. находим запись: “Германия одна выработала педагогию из философии. Реформация философии. Англия, Франция, Америка подражали”¹⁹. Любопытно, что очень скоро взгляды Толстого меняются на противоположные: “Германия может гордиться только образованием народа по статистическим сведениям, народ же по-прежнему, большею частью, выносит из школы только отвращение к школе”²⁰.

В то же время Толстой совершил поступок, приводящий в недоумение его биографов. Обычно не искавший первым знакомства, он нанес визит популярному немецкому писателю Бертольду Ауэрбаху (1812—1882) и постарался с ним сблизиться. Чем было вызвано решение Толстого? Можно предположить — незаурядной личностью его немецкого знакомого. Ауэрбах ко времени их знакомства успел прославиться многотомным собранием “Шварцвальдских деревенских рассказов” (1843—1854), ярко

и поэтично воссоздающих жизнь патриархальной южногерманской деревни, и изданием различных календарей для простого люда, среди которых успехом пользовался, например, сборник “Кум” (“Gevatersmann”), разошедшийся в 1845 г. тиражом более чем 80 000 экземпляров. Ауэрбах принадлежал к числу тех немецких писателей, которые считали, что возможно сохранить лучшие нравы патриархального общества в условиях наступления нового капиталистического мира. Как известно, Толстой называл нравственное усовершенствование человечества ключом к решению общественных проблем, и потому моральный аспект тех или иных вопросов являлся для него определяющим. Думается, произведения его немецкого коллеги по перу оказались чрезвычайно близкими и понятными ему, так как Ауэрбах придерживался похожих мыслей. Например, Люциан из ауэрбаховского рассказа “Люцифер” произносит по-своему “программные” слова: “Что мешает истине разлиться по миру? Не что иное, как презрение к народу”²¹. Ауэрбах оставлял героям возможность подняться в случае “падения”, его интересовали люди, ищущие себя, не останавливающиеся на половине пути (см. хотя бы его известный роман “Новая жизнь”, увидевший свет в 1852 г.). Так и Толстой писал позднее: “Точно так же, как я читал в Иене вывешенное у немца профессора математики изречение, что дорога не истина, а процесс ее открытия: дорога не степень нравственного совершенства, до которой достигаешь, а процесс совершенствования”²².

Известный русский публицист, также знакомый с немецким писателем, М. Л. Михайлов, в 1861 г. писал об Ауэрбахе как о личности, обладавшей “глубокою любовью к народу, которого никто не изображал в Германии лучше его”²³. Михайлов высоко оценил значение ауэрбаховских рассказов: “С появлением «Шварцвальдских деревенских повестей», — писал критик, — началось возрождение повествовательной литературы в Германии, до тех пор представлявшей только такие жалкие произведения, как романы Штернберга, графини Иды Ган-Ган и т.п. Ауэрбах вызвал целую школу нувеллистов, которые обратились с сочувствием к народу и принялись изучать хорошие и дурные стороны его быта, его нужды, желания и надежды, его радости и печали. Пора было бросить удушливые метафизические сферы и раздушенные салоны, в которых витали немецкие романисты, для здоровой и свежей действительности”²⁴.

Давно замечено, что “первый этап осознания человеком себя как личности — высвобождение его из пут сословия, касты,

кружка... второй этап — слияние личного сознания с огромным *внеличным* миром, с народной правдой, обогащение ею и растворение себя в ней”²⁵. Думается, что искания Ауэрбаха оказались созвучными исканиям самого Толстого, ведь, не случайно же в начале 1857 г. он без сожаления оставил Петербург, светскую жизнь, так как “люди ему опротивели и сам он себе опротивел”²⁶. И уже в начале 60-х гг. появляются первые плоды духовной метаморфозы писателя: сближение с народом, с его нуждами и интересами заметно, например, в повести “Поликушка” (1861—1863).

Следует признать, что Толстой весьма критично относился к тому знанию, философскому или художественному, которое он получал от кого-либо со стороны. В трактате “Что такое искусство?” он обращается к именам Гегеля, Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра, Канта, Бергмана, когда пытается понять, что же есть “красота”. И вместе с тем для него словно бы не существует авторитетов. Подобное поведение писателя — не дань воинствующему максимализму, не стремление возвыситься за чужой счет, это — скорее следствие напряженной работы ума, ищущего ответы на непростые вопросы жизни. Отсюда многие противоречия в позиции Толстого, заметные разночтения в его высказываниях.

Так, в трактате “Что такое искусство?” он решительным образом принимает мировое значение творений Гете, Бетховена, руководствуясь странным, на первый взгляд, доводом: “Чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы отдаляемся от добра”²⁷. Однако выводить из этих слов, что Толстой не понимает Гете или Бетховена (а также других художников, упоминаемых в статье), было бы нелепо. Он включает их творчество в живую жизнь человеческого общества и рассматривает с позиции удовлетворения определенных запросов этого общества. Ведь действительно “красота” не всегда сопутствует “доброте”.

В то же время Толстой перечитывает гётевского “Фауста” — не по случайному капризу, а в процессе работы над “Войной и миром”: “Оба дня писал, поправлял... “Фауст” Гете читал. Поэзия мысли и поэзия, имеющая предметом то, что не может выразить никакое другое искусство”²⁸. Видимым образом Толстой восхищается манерой письма великого немца!

Что вызывало это толстовское обращение к Гете в тот момент, когда, казалось бы, следовало сосредоточиться на своем? В. Кантору принадлежит предположение, что “Гете задает ему соревновательный пафос, предлагает тот захват проблем, кото-

рый осуществляет Толстой в эпосе: единство образной системы и размышлений”²⁹.

Отметим, что и в дневниковых записях молодого Толстого осталось немало мест, посвященных размышлениям о Гете³⁰. Интерес к личности великого немца сохранялся у Толстого до конца жизни. Так, в апреле 1897 г. в письме к П. И. Бирюкову он сообщал: “Я читаю теперь разговоры Гете с Эккерманом (довольно интересно мне и для искусства и для изучения старости)”³¹.

По убеждению Т. Манна, Гете и Толстого сильно сближал “чувственный элемент”³² их искусства, почтение к идеям, высказанным когда-то Ж.-Ж. Руссо. Т. Манн писал: “Можно доказать, что у Толстого идея искусства первоначально в точности совпадала с идеей искусства у Гете”³³.

В философско-художественном наследии писателя можно встретить имена различных немецких философов. Так, “Речь в Обществе любителей российской словесности”, произнесенная писателем в 1859 г., была выстроена им в духе гегелевской эстетики. При внимательном чтении можно заметить, что взгляды Толстого близки теории “чистого искусства”, и не случайно он называет себя “односторонним любителем изящной словесности”³⁴.

Еще Г. В. Плеханов отметил, что Толстой и Гегель похожим образом определяли природу искусства³⁵. Гегель писал, что искусство “производится для чувственного восприятия человека”³⁶, а русский писатель полагал: “Вызвать в себе раз испытанное чувство и ... посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство, — в этом состоит деятельность искусства”³⁷. Однако подобная схожесть взглядов не помешала позднему Толстому укорять Вл. Соловьева, выпустившего в свет книгу “Кризис западной философии. Против позитивистов” за “зловредную гегелевскую фразеологию”³⁸.

В “Мыслях, вызванных переписью” Толстой с вниманием и уважением относится к кантовской “критике практического разума”, несмотря на то, что Кант милосердию предпочитал справедливость и отвергал сострадание как только увеличивающее количество страданий в мире... В трактате “Так что же нам делать?” писатель сожалел, что нравственное учение Канта было отвергнуто образованными людьми в Западной Европе.

Этика понималась и Кантом, и Толстым как важнейшая из всех областей духовной деятельности человека. “Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу — а именно: подобающим образом занять указанное человеку ме-

сто в мире — и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком”, — считал Кант³⁹.

Вместе с тем в “Исповеди” Толстому удалось нащупать слабое место теории Канта: “Кант, самый строгий мыслитель нового времени, утверждает, что в человеке лежит категорический императив, то есть он говорит, что такое человеку нужно делать. Но что и зачем — он не может сказать”⁴⁰. В целом же, на наш взгляд, можно согласиться со словами Е. Н. Купреяновой, которая, рассуждая о связи идей русского писателя с идеями Канта, Руссо, Вейсса и других, писала: “Суть дела не в том, кто именно и каким образом повлиял на Толстого, а в объективной близости нравственной философии Толстого... к просветительской философии усовершенствования”⁴¹.

В книге “Что такое искусство?” Толстой вступает в полемику с идеями Фридриха Ницше, с чьим именем связывали в то время начало нового направления в литературе. Он писал о новомодных сочинениях, выражая некоторую растерянность всего круга образованных русских людей: “Это последствие ложного отношения к искусству уже давно проявлялось в нашем обществе, но в последнее время, с своим пророком Ницше и последователями его и совпадающими с ним декадентами и английскими эстетами, выражается с особенною наглостью. Декаденты и эстеты вроде Оскара Уайльда избирают темою своих произведений отрицание нравственности и восхваление разврата”⁴².

Русский писатель доходит до едчайшей иронии, в набросках статьи о религии замечая: “В наше время все так называемое образованное человечество восхищается бредом г-на Ницше”⁴³.

Толстого возмущает жесткость немецкого философа. Вот дневниковая запись от 21 марта 1902 г.: Ницше “доказывает, что то, что противится в природе человека злу — есть ложное воспитание, ошибка. Не знаю, куда идти дальше”⁴⁴.

В конце 60 — начале 70-х гг. Толстой много читал Шопенгауэра. Его философия не вызвала у писателя восторга, и уже в “Анне Карениной” (устами Константина Левина) она подверглась осуждению. “...Эта новая философия дня на два... утешала его, но она точно так же завалилась, когда он потом из жизни взглянул на нее, и оказалась кисейною, негреющею одеждой”⁴⁵. Неприятие Толстым Шопенгауэра вызывалось в первую очередь отвержением его “объективно-мистического определения красоты”⁴⁶.

Наконец, характеризуя связи Толстого с немецкой культурой, надо упомянуть о многочисленных персонажах-немцах, населяющих толстовские произведения. В них, как в зеркале, отра-

зились вековые воззрения русского народа на иноземцев: смутное недоверие и преклонение перед ученостью, восприятие в качестве авторитета и обвинение во всех смертных грехах и т.п. Очень хорошо об этом написано В. Кантором⁴⁷.

Говоря о предполагаемом влиянии произведений и личности Л. Н. Толстого на немецких писателей, обозначим временной предел, с которого возможно начинать его отсчет. Первые переводы из Толстого появились в Германии в 60-х гг. XIX в.⁴⁸ Заметим, что, несмотря на это, вплоть до 80-х гг. полномочным представителем русской литературы считался не он и не кто другой, а И. С. Тургенев. Еще Э. Хексельшнайдер в своей статье “О восприятии русской литературы в Германии в последней четверти XIX века” (1972) писал: “Общепринятой⁴⁹ точкой зрения в исследованиях стало признание того, что благодаря творчеству Тургенева”, то есть в период 50—70-х годов XIX века, русская литература получила значительное признание в Западной Европе и вместе с тем в Германии”⁵⁰. Он обратил внимание на то, что до середины 80-х гг. фигура Тургенева заслоняла собою все остальные. Э. Хексельшнайдер приводит интересный факт: например, “Записки из Мертвого дома” Ф. М. Достоевского, переведенные и изданные в 1864 г., потерпели колоссальное фиаско, продано было всего 50 экземпляров⁵¹. Однако в конце века отношение немцев к инациональным литературным процессам стало более аналитичным. “Явно обнаруживается стремление к уяснению типологически сходных явлений и процессов, стремление к сопоставлению своей литературы с другими, к выявлению в современных литературах разных стран общего и особенного”, — пишет И. Г. Неупокоева⁵². В 80-е гг. произведения русских писателей стали широко публиковаться в Германии. Дошла очередь и до пристального знакомства немцев с Л. Н. Толстым⁵³.

Самые разные немецкие авторы оставили нам свидетельства своего восхищения талантом Толстого.

Г. Гауптман писал: “Мои литературные корни уходят в Толстого, я никогда не стал бы отрицать этого. Моя драма “Перед восходом солнца” была оплодотворена “Властью тьмы”, особой смелостью ее трагизма. Вся эпоха нашей юности насыщена богатством литературных ценностей, доходивших до нас в русских переводах. Поднимавшиеся у нас всходы произрастали большей частью из русской почвы”⁵⁴.

Несмотря на внешнюю несхожесть таланта Л. Н. Толстого и Т. Фонтане, Т. Л. Мотылева в книге “О мировом значении

Л. Н. Толстого” предполагает, что “Теодор Фонтане в романе “Эффи Брист” сумел по-своему опереться на достижения толстовского реализма”⁵⁵. По ее мнению, это взаимодействие в последующем плодотворным образом сказалось на всем развитии немецкой литературы, в частности в произведениях Т. Манна и Г. Манна.

В начале XX в. уже Р. М. Рильке преклонялся перед моральной силой Толстого в своих “Письмах 1909—1914 годов”.

Таким образом, оценивая связи Л. Н. Толстого с немецкой культурой и литературой, можно сделать вывод, что взаимодействие оказалось плодотворным для обеих сторон. В этой области сделано уже много — как на уровне исследования личных контактов, так и на уровне поэтики произведений, но все же тема не теряет своей актуальности и в наше время.

¹ Мысли мудрых людей на каждый день. Собраны гр. Л. Н. Толстым. М.: Изд. “Посредника”, 1903. № 490. С. III.

² Там же.

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ Там же. С. 371.

⁷ См.: *Срезневский В.* Георг Кизеветтер, скрипач петербургских театров // Толстой. 1850—1860. Материалы. Статьи. Л., 1927. С. 47—72.

⁸ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Терра, 1992. Т. 5. С. 50.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: *Микулич В.* Тени прошлого. СПб., 1914. С. 100.

¹¹ *Толстой Л. Н.* Указ. соч. Т. 30. С. 177.

¹² Вильгельм фон Поленц (1861—1903) — немецкий писатель-натуралист. Показал гибель патриархального уклада в трилогии “Сельский священник” (1893), “Крестьянин” (1895), “Могильщик” (1897). См.: *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. Т. 15. С. 250—257.

¹³ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 88. С. 198.

¹⁴ См. об этом: *Pechstedt E.* Die erste Deutschland-Reise L. N. Tolstojs (1857) // *Zeitschrift für Slawistik.* 1979. Bd 24. H. 4. S. 471—487.

¹⁵ См. об этом: *Pechstedt E.* Das Deutschland-Erlebnis der russischen Dichters Lev Nikolaevič Tolstoj. Ein Beitrag zur Biographie. Phil. Diss. Potsdam, 1969. Teil I. S. 164—171.

¹⁶ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 33—34.

¹⁸ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 104.

¹⁹ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. Т. 21. С. 233.

²⁰ Там же. Т. 15. С. 7—8.

²¹ *Ауэрбах Б.* Деревенские рассказы. М., 1967. С. 242.

²² *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 133.

²³ *Михайлов М. Л.* Из Берлина // Соч.: В 3 т. М., 1958. Т. 3. С. 443.

²⁴ Там же. С. 444.

- ²⁵ *Лакшин В. Я.* Толстой // БСЭ. 3-е изд. М., 1977. Т. 26. С. 52.
- ²⁶ См. главу II “Исповеди” Л. Н. Толстого.
- ²⁷ *Толстой Л. Н.* Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 15. С. 93.
- ²⁸ Запись в дневнике от 9 марта 1865 г. См.: Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 21. С. 255.
- ²⁹ *Кантор В.* Лев Толстой: искушение неисторией. Самый, самый, самый, или Толстой contra Гете // *Вопр. лит.* 2000. № 4. С. 159.
- ³⁰ Например: 9, 10, 14 июля 1854 г.; 29 сентября 1856 г. и др.
- ³¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 70. С. 86.
- ³² *Манн Т.* Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма // *Манн Т.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 9. С. 524.
- ³³ Там же. С. 518.
- ³⁴ *Толстой Л. Н.* Речь в Обществе любителей российской словесности / Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 15. С. 8.
- ³⁵ “Это определение имеет много общего с определением Гегеля”, — писал он о словах Толстого. См.: *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. М., 1955. Т. 5. С. 394.
- ³⁶ *Гегель.* Соч. М., 1938. Т. 12. С. 105.
- ³⁷ *Толстой Л. Н.* Полн. Собр. соч. Т. 30. С. 65.
- ³⁸ Там же. Т. 62. С. 128.
- ³⁹ *Кант И.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 206.
- ⁴⁰ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 499.
- ⁴¹ *Купреянова Е. Н.* Эстетика Льва Толстого. М., 1966. С. 51.
- ⁴² *Толстой Л. Н.* Что такое искусство // Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 15. С. 188.
- ⁴³ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 183.
- ⁴⁴ Там же. Т. 54. С. 127.
- ⁴⁵ Там же. Т. 19. С. 370.
- ⁴⁶ Там же. Т. 30. С. 49.
- ⁴⁷ См.: *Кантор В.* Указ. соч.
- ⁴⁸ См. об этом: *Boehme E., Luther A.* Frühe deutsche Übersetzungen aus dem Russischen // *Die neue Gesellschaft.* 1948. № 4. S. 37—47; *Halm H.* Wechselbeziehungen zwischen Tolstoj und der deutschen Literatur // *Archiv für slawische Philologie.* 1914. Bd. 35. H. 3—4 и др.
- ⁴⁹ Такого мнения придерживалось еще русское литературоведение начала XX века. См.: *Венгеров С. А.* Основные черты истории новейшей русской литературы. 2-е изд. СПб., 1909. С. 5 и далее.
- ⁵⁰ *Hexelschneider E.* Über die Rezeption der russischen Literatur in Deutschland im letzten Viertel des 19. Jahrhunderts // *ZfSl.* 1973. Bd. XVIII. S. 54.
- ⁵¹ *Ibid.* S. 55.
- ⁵² *Неупокоева И. Г.* Общие черты европейского романтизма и своеобразие его национальных путей // *Европейский романтизм.* М., 1973. С. 38.
- ⁵³ См.: *Тиме Г. А.* Литературный метод как отражение философского мировоззрения. И. С. Тургенев и немецкая мысль // *Литература в контексте культуры: Проблемы истории зарубежных литератур.* СПб., 1998. Вып. 5. С. 165—174.
- ⁵⁴ См.: *Täglich? Rundschau.* 1945. 11. Oktober.
- ⁵⁵ *Мотылева Т. Д.* О мировом значении Л. Н. Толстого. М., 1957. С. 588.